

Дмитрий Владимирович
Аникин

Троянская война

тетралогия

Дмитрий Аникин
Троянская война

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Аникин Д. В.

Троянская война / Д. В. Аникин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Тетралогия, состоящая из трех трагедий и сатировской драмы. После гибели Гектора и Ахилла война превратилась в бессмысленную череду мелких схваток. Нет сил ни на победу, ни на поражение. Агамемнон призывает прорицателя Калхаса. Полученное пророчество ужасает греков. Выполнять его условия отправляется Одиссей. Содержит нецензурную брань.

Филоктет

1-ая трагедия.

Долгие годы прошли в заботах войны, выжиданья.
Вспомнить теперь даже стыдно, какплыли на Трои герои,
как красовались, играли силой чрезмерной и ловкой,
славу короткой войны и победоносной предвидя.

Боги нам помощь в войне обещают – всегда в деле правом
боги подмога: убийству способствуют, меч острят, движут
наши полки, наши судьбы и нас принимают убитых
в Областях темных своих. Война – это богово дело,
жатва твоих поколений, земля. Мы созрели для смерти.

Благочестивое воинство, в храмы мы сходимся, словно
стадо; мы молимся в чистом, мы первую кровь проливаем
ради войны – в деле набожном нЕт страха, жалости. Вера –
темное дело души. Мы готовы для правды и веры.

Я сомневался, пугливое сердце в груди трепетало,
тронуто низкою жалостью – или предвидя событий
ход роковой. Среди общих восторгов и криков натужных
нем оставался, спокоен, чуть бледен; мне б выйти на воздух,
мне б отстраниться от действия народного, мне б оставаться
праздным, чужим – но стоял в опротивевшем, залитом кровью
храме. Как стать отщепенцем, когда наступает народа
праздник великий? Где силы найти, чтоб уйти от участия,
чтоб от почетного места в рядах отказаться – презренным
стать? Аполлон-Феб, тебе я не подношу, не сжигаю.

В храмах-то наших тоска и разор, и нестройные хоры
в гулкой поют пустоте, в храмах наших цветастые змеи
жалят. С-под камня такая ползла на меня, прокусила
ткани одежды и кожу – хожу с незалеченной раной,
брошенный. Люди проклятьем сочли: если гадина в храме –
прочь от такого, чтоб не заразиться, чтоб нас пощадили.

Я проживаю на острове, ест мои кожу да кости
яд. Я, оставленный близкими, день-ночь пытаю анализ.
Ненависть – долгое чувство, но есть и ему отмиранье.
Я примирился с богами: им стал безразличен, и боги
мне безразличны, – не будет молить, под змею не подставляюсь,
раны свои забываю, привык к ним, не так уж и больно
жить в этом мире суровом, где я еще жив и успею
много кого пережить, избежавших позорных страданий.

ПРОЛОГ

Агамемнон

Десятый год войной под Троей маемся:
то мы в ворота бьемся, то враги теснят
нас к черным кораблям, то в равновесии
замрем – удачи воинской ни им, ни нам.

Со славой умереть не получается
в бою открытом, правильной осады срок
не дни, не месяца – года бессчетные.
Нет сил на штурм, нет сил собрать оставшихся,
грести в обратный путь.
И бОльших бед я жду,
и распря друг на друга, на своих своих
кидает, разжигает, счет обидам лих:
то тут, то там крик ссор, шум свар. Оружие
вожди пока удерживают – сколько так
продлиться может? Или осажденные
сдадутся, или мы работу сделаем
за них – себя погубим.
Ты всегда, Ахилл,

счастливее меня был: славой полные
ты прожил дни под солнцем краткосрочные
и пал завидной смертью, не заметил, как
скользнул в жерло Аида, запыхавшийся
от праведного боя, – привилегия
простых бойцов. Я, умудренный в бедствиях,
так не смогу: не примет Агамемнона,
бежавшего судьбы своей, подземный бог,
прогонит от порога, отпихнет, как пса
докучного, – иди, царь мертвый, здравствовать,
стараться, довоевывать, терпеть труды,
иначе тени в дебрях асфоделевых
взбунтуются – войска твои загубленные.
Все тут неупокоенные – только ждут,
что грянет глас под сводами стигийскими:
"Пал Илион, объята Троя пламенем,
разграблена, распахана, засеяна
священной солью". И тогда мучительная
связь распадется, держащая тени их
по племенам, полкам, и канут мертвые
в небытие свое.

Появляется Вестник.

Вестник

Мой государь, сюда
идут вожди прославленные эллинов.

Агамемнон

Да, Одиссея вижу, вижу младшего
Аякса, с ними брат мой Менелай спешит,
а рядом Нестор, Диомед воинственный,
Идомей – царь Крита многоопытный,
толпа народу, воинов вокруг кипит,
волнуются, но держит уважение
пока к царю.

Не долго б мне узду держать,
когда не отпускать, так будет и сейчас.
Народ подобен волнам моря дикого,
и тот, кого застал шторм сильный на море,
спускает паруса, не рыщет веслами
спасения в воде. Кормило пусть себе
свободно ходит – опытный моряк лежит
на палубе, то песни распевает, то
приложится к бутылке: он свободен от
своей работы тяжелой – ветры делают,
и им нельзя мешать, они ревнивые
работнички. Пей, пой, моряк, – погоды жди,
пей, пой, политик умный, – будет власть твоя.

А значит, я терплю, молчу – улягутся
дурные страсти, утомятся дерзостью, –
и вот я, Агамемнон, будто сам сдержал
дурь волн, смотрю величественно, жезл держу,
зачинщиков караю.

(Обращается к Вестнику.)

Пусть идут сюда.

ПАРОД

На сцену высыпают греческие воины и цари.

Хор (на разные голоса)

Черные вижу годы, протекшие в ожиданиях:
смерть прибирала многих в нашем, в троянском стане,

смерть уравнила чаши весов, что в руках у Зевса,
мы сгнием здесь и тевкры, кладбищем станет место.

Славны Ахилл и Гектор – оба угомонились,
судьбы их завершились, да общие не решились.

Что гроыхать железом, мужествуя привычно,

если не будет толку, кроме многообразной

смерти? Еще гуляет мор в их и нашем стане,
так умирать и этак, вои, не перестанем.

Кожа срослась с кольчугой, поножи не снимаем;
если не чье-то горло – древко рука сжимает.

Кто еще может вспомнить, как шел он безоружным
по полю? Грузом лишним был ему меч, не нужным,

вспарывали оралом плоть земли, нас дарила
зернами. Чем ты стала, родящая много сила?

Как под рукой у Кадма, ненависть свои всходы
вытягивает, мы сеем ненависть – год от года

крепче, живее поросль, света за ней не видно.
Нам убивать не страшно и умирать не стыдно.

Бьемся заради этой... женщины, жен оставив,
много чего добавив к сомнительной ее славе.

Женщина не добычей – матерью и женою
когда была, озверели, брошенные страную

в дальнюю даль. Привычки останутся: кто вернется –
станет бедой отчизны, дома не приживется.

Выросли безотцовщина дети в Элладе наши,
женам, уставшим в бедах, возврат наш не нужен, страшен.

Вспять кораблям не плавать, дело не сделав: ветры,
приманенные в Авлиде, жертвы от нас ответной

ждут. Этой жертвой станет Троя – Пергам священный,
и наше войско – кто здесь, кто в дороге по волнам пенным.

Тяжким мы грузом были земле родной – очищаясь,
гонит нас внутрь; и лучше, даже не защищаясь,

сильным нам всем здесь сгинуть, как не было чтоб похода.
Шли нас прямо к Аиду, форсируй Стикс, воевода!

СТРОФА 1

К царю!
Он, искушенный в правлении
Зевсов питомец, знает

пути, нам неведомые,
нам заповедные,
царские пути мысли.

Судьбы народов держит
Атрид Агамемнон мощно.

АНТИСТРОФА 1

К царю!
Он – архистратиг,
мудрый строитель ратей,
опытный вождь в наставших
бедах, – выведет, сильный, войско
на просторы победы.

Судьбы войн, мира держит
Атрид Агамемнон мощно.

Корифей
Из окопов, от кораблей, из немощи нас подними,
предводи нас в жестокий бой,
распорядись, Атрид Агамемнон, своими людьми.

СТРОФА 2

В алых шатрах живет,
с золота ест,
на мягком под теплым спит
царь Агамемнон.
Ратоборствуем мы ему
на потеху.

АНТИСТРОФА 2

Прочь отсюда, пока еще корабли
не вросли прочно в берег!
Лучшая победа,
какая только есть на войне, –
остаться в живых,
и мы пока еще победители.

ЭПИЗОДИЙ 1

Войско отшумело и кое-как успокоилось. Агамемнон стоит на возвышении рядом со своим шатром. Из толпы по очереди выходят ее возжаки и произносят свои речи. Это всё усталые, измученные, грязные и больные люди. Только выправка да более или менее грамотная манера говорить отличают аристократию.

Аякс

Ходят слухи, лагерь беспокоят,
что прошли назначенные сроки
по вещаньям всем, расторгли боги
узы слов, как умолила сильных
Афродита ради дел любовных
пощадить Пергам, а наше войско
позабыто грозною Палладой,
буйной Герой брошено. Ни солнца
нам, ни тьмы подземной, ни проклятий,
ни благословений; тихо сгинем
здесь, у стен; обратную дорогой;
дома, кто счастливей – иль несчастней.

Было наше войско темной силой,
пущенной на Трою, – стало войско
нищим сбродом, шайкою разбойной.
Грецией отторгнутые, Троей
загнанные в землю, внутрь, в окопы,
лишние на всех стихиях, сами
для себя обуза. Надо делать,
надо что-то делать, Агамемнон:
воевать, мириться, ополченье
новое собирать, ряды пополнить
свежей кровью, новым ратным мясом.

Идоменей

Истоцилась Греция. Скажи лишь,
кликни добровольцев в путь недобрый
к обреченной Трое – соберешь рать
беглых должников, рабов, пьянчужек.
Кто к работе мирной не пригоден,
лучше ли потрудится на поле
брани? Разбегутся, лишь услышат
вой военных труб, – мы на потеху
станем воевать троянцам гордым.
Нет героев прежних, кто стремились
к славе ради славы, век расчетлив
стал и осторожен: умирают
в собственных воители постелях,
долголетьем меры превышая
человечьей жизни. Без подмоги
Илион осилим – или сгинем,
в славе и позоре одиноки.

Менелай

Может, назад?
Цель, что была, –
прелесть жены –

вся отцвела,

за девять лет
ссохлась, поди, –
ни зада, ни
пышной груди.

И не мила:
вспомню ее –
где сердца стук,
где колотьё?

Больше меня
ради жены
кто пострадал?
Дни сочтены

ласки, за день
месяц отдал
бою – женой
вор обладал

дольше меня.
Пусть их живут,
будто меня
не было тут.

Диомед
Не за тем сюда шли, чтоб неверной женой
насладился ты, глупый, дурной человек.
Мы, Эллады великой священная рать,
Зевсом брошены в Азии недра.

Если мощен, прекрасен стоит Илион,
богатеет торговлей, искусством цветет,
прирастает землей, прибывает людьми,
учреждает союзы, родством их крепит, –
значит, светлой Эллады погибель близка,
значит, надо спешить, воевать, убивать.

Наши жизни – ничто: на, любую возьми,
поборающий тевкрам кровавый Арес!
Если силой нельзя, если хитрость плоха,
мы своими телами задавим врагов,
стены града сомнем весом смерти своей.
Нам благие труды – корчевать, выжигать
племя, землю поганую, чтобы
на развод никого, на посев ничего,
чтобы имя и место забылись.

Если ж мы – поколение меж сильных – слабы,
не успеем, не сможем, оставим в живых,
замиримся, войдем в договоры, в войне
победим – не разрушив, уйдем – не добив,
то оставим в наследство народам войну,
пощадим тех, кто наших детей убивать
вырастает за стенами. Так защитим
кровь свою, так посеем священную соль
там, где Троя была, – она миром взойдет.

Одиссей

Деньги – вот сила настоящая,
нам, обедневшим, нам, промотавшимся, предстоящая.
Многих союзников озолотила Троя,
сходятся сюда для заработка они, для боя,
сходятся сюда за наши головы получать:
счетом пересчитана,
с головою выдана,
на корню продана, куплена наша рать.

Здесь оставаться нет никакого смысла:
я подсчитал невеликие наши числа.
Что Гектор не смог взять медью, то золотом взял Приам.
Нечего веским доводам противопоставить нам.
Холод и голод губят верней, чем стрела и меч.
Припасов мало. Чем безвредно для них

(указывает на троянские стены)

полечь –
поднакопим деньгу, тогда и пойдем войной,
если получше чего не встретим, что этакой взять ценой.

Нестор *(выступив вперед, откашливается, кряхтит, поправляет одежду, неторопливо и с удовольствием готовясь к долгой речи)*

Мудрый царь, строитель ратей, Агамемнон молодой,
ты послушайся совета Нестора. Я сколько раз,
горьким опытом обучен, видел дальше остальных,
предугадывал событий ход, ловушки прозревал.
И теперь, коль не отвергнешь, я ко благу поведу
речь свою. Какая сила греков привлекла сюда?

(Выдерживает значительную паузу.)

Три богини вниз ходили, три судить намеревались,
три истицы трех ответчиц уличали, три судьи
разошлись в трех приговорах, три ругались, три остались

при своем, призвали три, веря в доводы свои,
пастуха, мальчишку, дурня деревенского, вручили
то одно, что каждой нужно, – приз (коль яблоком назвать,
не соврем). Пока совместно были, так его учили:
будь бесстрашен, будь бесстрашен, самому тебе решать,
мы тебя никто не тронем, злого слова не уроним.

Перешептываться тихо отводила, говорила
первая: "Тебе под руку дам полмира, будь владыка
Азии, пустынь ливийских, до самих истоков Нила,
мать-реки. Твое правленье станет тягостью великой
для народов прежде вольных, для не знающих ярма".

"Правит миром меч умелый, хитрый выпад, быстрый довод.
Я отдам тебе, – вторая молвила, – успех военный,
и не только что азийский материк тебе готова
дать война, но и Европа ляжет пред тобою пленной:
для народов прежде вольных меч готовит груз ярма".

Третья пальчиком лукавым поманила, показала
лик неложный девы дальней, девы томной, многомужней –
вмиг у парня взгляд застылся, в голове ума не стало
(звался тот пастух Парисом, прозывался Александром):
сам он шею преклоняет, надевает груз ярма.

Доверяясь Афродите, взял Парис кораблик быстрый –
весла в море, ветер в парус – и поплыл за девой томной,
многомужней к славной Спарте. Дева встретила Париса,
приняла чин чином, стлала белую постель, любила,
как завещано богиней, как пристало деве юной.

Две богини вверх взбирались, к островерхому Олимпу,
две доверили печали Зевсу, две себе просили
блудную чету отдать им, исполу отдать им Трою:
кто от силы и от власти отказался дерзновенно,
пусть погибнет тот от власти и от силы пусть погибнет.

Так Кронион-громовержец, чьи прислуга власть и сила,
отдал им святую Трою, род Дардана благородный,
старика-царя Приама, бед виновника Париса.

Две богини вниз спускались, к городам Эллады сильной,
две богини рать собирали – островных, материковых,
не щадили обе наших, гнали в струги, принуждали
волны моря вдаль исплавать да испробовать оружием
судьбы греков, судьбы тевкров: долго ль нам гулять по миру,
долго ль им стоять под солнцем. Не своей мы – вышней волей
собраны со всего света, мы не можем своевольно
брать твердыню, плыть обратно: боги спорят, нами правят.

Пусть расскажет вещей Калхас, бед провидец, птиц пытатель,
волю их: нам здесь остаться, вспять вернуться или что там.

Агамемнон

Насилу-то закончил! Но он прав: сюда
тащите, люди, Калхаса, пусть слово он,
птицегадатель, молвит. Речь послушаем
из вышних, божьих Областей.

Вестник

Он здесь. Иди.

(Выталкивает на центр сцены Калхаса.)

Калхас

Калхаса ненавистного позвал, Агамемнон, ты.
Царь захотел вещаний, что на языке моем
клубом свились, как змеи мудрые. Слышишь шип,
как ядовиты, знаешь, сколько их о тебе
было и снова будет, – во имя твоих потерь
я начинаю слово вещее говорить.

Хор

Боги сильные надзвездные и поддонные,
услышьте, как мы взываем, убогие, многостонные.
На благо ли, нет вопрошающим ваш ответ –
вы не откажите, пролейте на тьму бел-свет.

Агамемнон

Угрюмый старец, изощренный в карканье,
скажи, птицегадатель. Было, помню я,
твое вещанье громкое: падет, падет
град славный Троя – весь до Океана мир
услышит шум падения. И что? Стоит.
Мы жертву приносили, запредельную
за ветер цену.

Калхас

Гневайся, ругайся, царь.

(Начинает, раскачиваясь в священном экстазе.)

Темные вижу смыслы,
ради утраты зренья
явленные, – нависли
сроки их исполненья.
Капли последней надо,
чтоб прорвало плотину,
явлений свело громаду

в ясную нам картину.
А не случится – время
двинется в ход обратный
с событиями со всеми,
в вовсе невероятный.

Девять лет воевали,
десятый победным станет.

ЭПОД

Сколько же лет прошло – кто их считал?
Только по головам: кто когда мертвый пал.

Первым Протесилай скрылся от нас в Аид:
первый на берег встал, первый на нем лежит.

Только ли вражий меч грекам наделал бед?
Пал, оклеветан, вождь эвбеев Паламед.

Грудью закрыв отца от гибели, Антилох
у Нестора на груди отдал последний вдох.

Сын слабейший отца, бравшего Илион,
наземь сбит Тлептолем, к мать-земле пригвожден.

Чуждый подъемля груз славы, доспехов, срок
свой исчерпал, погиб не за себя Патрокл.

Не брезгает, не щадит труса смерть, для того
Терсита себе взяла – подлая подлого.

К жизни вернуть себя тот, кто многих успел,
не смог Махаон – и дух нелеченый отлетел.

Сколько себе добыл корыстей – все на костер
могучего. Ахиллес, бог – твоей славы вор!

Собственных жертва рук, в безумии скот крушил
Аякс, а в себя пришел – и вот кого порешил.

Значит, десятый год валом валит – ему,
несытому, отдадим не нас, но Трюю саму.

Корифей
Но что же делать нам, бояться, ждать чего,
какая капля малая нужна, скажи,
невнятицу пророческую брось, Калхас,
дай знать: мол, то-то делать, тех-то в жертву несть.

Калхас (*снова напевает, раскачиваясь в пророческом трансе*)

Провещал Феб, мудрый дал знак,
сокрушить град нам дано.

Корифей
Как?

Калхас
Остров есть – твердь средь морей волн,
там Гефест-бог, замыслов полн
творческих, бил, изнурял медь,
выковал то, чему жизнь – снедь.

Есть лесов лес, яшень в нем прям
устремлял рост в небеса зря:
бил топор в ствол, нож стругал жердь,
руки гну-ли самоё смерть.

Меж дурных мест есть одно – страх,
заросла топь, ржавь на ку-стах,
весь впитал гной из земли гад,
весь отдал, мертв, стрелам свой яд.

По лугам вол заливным шел,
возрастом стар, весом тя-жол, –
тетива, будь из тугих жил,
а рогов мощь с древом скле-ил.

По ветрам плыл шизый о-рел,
распростер крыл ширь на весь дол, –
дал перо, чтоб с тетивы лёт
был далек, быстр, куда месть шлет.

Одиссей
Гераклов лук, орудье смертоносное,
оставленное им в наследство...

Калхас (*сейчас он говорит спокойно, без аффектации*)

Знаешь, кто
наследник у героя? Филоктет. Его
ты бросил умирать тогда на Лемносе,
но выжил он, с ним лук его – Гераклов лук.

(*Обращаясь ко всем.*)

Без Филоктета и его оружия,
хоть тыщу лет под Троей майтесь подвигами,

всё без толку; вернете Филоктета в строй –
он луком поорудует, убьет того,
кто этих войн виновник, и падет Пергам.

Одиссей

Ты лжешь. Он умер. Девять лет. Никак нельзя...

Калхас

Он жив и ждет тебя...

Одиссей

Я что, один тогда
решил его оставить? Остальные вы
как будто ни при чем. Когда поранила
его змея, открытых ран зловония
никто не мог терпеть, а врачевания
не удавались. Мы его оставили –
так надо было сделать – там, на Лемносе,
не умирать, а жить. Сложили корпию,
запас еды, вина, тот лук со стрелами,
который нынче вспомнили.

Агамемнон

Вот сам ему
и объяснишь, насколько ты был прав тогда.

Одиссей

Меня убьет он прежде, чем скажу ему,
зачем и кем я послан, я...

Агамемнон

Идти тебе.

Одиссей

Решил, что я тебе не нужен больше, так?
Погубит Филоктет столь много знающего
постыдных тайн твоих, и вся политика
останется сокрытой от досужих глаз.
Таинник, соглядатай слишком стал тяжел
для царской совести, когда дела пошли
под Троей не по-твоему. Того гляди,
и бунт начнут открытый – Одиссей тогда
ну как переметнется, ну как сам решит
над войском утвердиться? Всех и вся предаст
он, столько раз предатель. Лучше загодя
убрать его, услат морей за тридевять.
Не к Филоктету шлешь – к Аиду в путь прямой.

Нестор

Незачем тому, кто честен, о предательстве твердить,
нет в душе царевой мрака, есть радение одно
о всеобщем нашем благе. Знает он своих бойцов:
кто хитрее Одиссея Филоктетовой душой
завладеет, лук доставит, силы получеловека,
съеденного злою язвой, кто к добру расшевелит?

Одиссей
Конечно, Нестор! Он, столь много знающий,
найдет лазейки, доводы, и Филоктет
пойдет за ним...

Агамемнон
Идти тебе.

Одиссей
Зачем ты так...

Агамемнон
Когда вернется он, неся оружие,
против какого все тут беззащитные
стоять мы будем, знать хочу, что он пришел
Парису мстить, не нам. Добавить к бедствиям,
нам предстоящим, Филоктета, прыщущего
отравленными стрелами по лагерю,
я не хочу. Когда тебя, зачинщика
своих бед, он в живых оставит...

Одиссей
Сможешь ты
не труся подойти к нему, в объятия
пришельца заключить и возлияния
творить за дружбу и успех скорейший стрельб.

Агамемнон
Тебе идти.

Одиссей
Пойду, добуду лук тебе,
отравленные стрелы, не погибну сам,
день будет – и Пергам вручу надменному
властителю, герою, Агамемнону.
Развеселишься ты душою черною,
насытишься победой, смертью, золотом.

Но я не хуже Калхаса предсказываю,
из прошлого дороги в дали будущие
выстраиваю: не убьют тебя, война щадит
тех, для кого смерть будет избавлением

от худших бед, – вернешься ты назад, домой...

Я видел Клитемнестру – мать, ведущую
на казнь свое дитя, по воле грозного
супруга, видел бурный ад, вместившийся
в ее зрачках. Я знаю: девять лет она
в уме перебирает казни лютые,
лютейшую ища. Давай, спеши домой,
гони войну к победе – победителя
глаз не смыкая ждут.

Агамемнон
Дурную женщину
я умирю. Ты ж собирайся в долгий путь.

СТАСИМ 1

Хор держит в руках деревянные щиты (борта судна).

Корифей
Отплываем,
братцы-итакийцы,
от неприязненной Трои.
Царь наш
паруса ставит,
весла берем,
в море идем.
Куда ж нам плыть?

СТРОФА 1

Эй, разверните струги
в сторону мать-Итаки,
в воду веслом упругим
упираем, бежим из драки.
Где вы, богатства Трои,
там и лежите лежнем:
нам и так ничего и
не дали бы. Бедный прежней
бедностью, возвращаюсь
(эх, мечты золотые!),
к дому поворочаюсь,
и думы мои – жилые.

АНТИСТРОФА 1

Женушки без добычи
примут нас: жив хозяин.
Что ж его ратный свычай
местным необычаен?

Ходит-бродит вразвалку,
смотрит, как исподлобья,
взглядом немного жалким
битого; луки, копья
призрачные сжимает –
в руке пустота, – воюет
до победного, умирает
на штурмах, в боях лютует.

Корифей
Не лучше ль доделать дело –
довоевать?

Хор
Воюем.

Корифей
Значит, налево – к Лемносу
темному.

Хор
Что ж... Поплыли,
там:

СТРОФА 2

Ходил человек к алтарю, торжественен и один,
ходил жертвы принести от щедрот, первин,
носил человек, подкладывал – пей, бог,
дым жирных жертв, а что мало – так всё, чего смог.

Хор (*вместе*)
Дай, бог, в делах удачи, в летах чтобы полный счет.
Дай, бог, любви и денег немедля, теперь чтоб, вот.

АНТИСТРОФА 2

Ходил человек, похаживал вокруг алтаря туда и сюда,
а за ним ползла шипя-пришепетывая его беда–
змея священная, ядовитая страх.
Хвать его – и он уже не стоит на ногах.

Корифей
Набежали со всех сторон –
поддержки, подложи, перевяжи,
на воздух его неси,
влейте ему вина.

СТРОФА 3

Лечим раны:
насыпь врачевств

едких – выесть всю боль, весь яд.
Зарастает плоть, дело есть
архиятеру: Махаон
возвращает на божий свет,
льет настои целебных трав,
дымом горьким вздохни – бодрит,
неразбавленное вино
пролитую заменит кровь,
кость, и плоть, и дух укрепит,
вспрянешь лучше, чем был, – жив, прям.

АНТИСТРОФА 3

Но твою злую боль врачеств
наших мази, нож не берут,
не берет и огонь – чадит,
время разве излечит, срок
непостижный, за жизнью край
наших кратких, солдатских. Мы
оставляем тебя: еще
неизвестно, чем заслужил
эти язвины, жало в плоть,
ни на ком рядом нет таких.
Будь ты проклят, не проклят, нам
всё равно – разминутись – прочь!

Корифей
Мерим
теперь
по волнам обратный путь:
тот, кто проклят и лишний,
тот стал надеждой войска.

Хор (*вместе*)
Как он там?
Выжил ли?

СТРОФА 4

Черные раны на теле, зной
болезненный, желтый ток
гноя, насквозь пропитавший бинт,
запах его жесток.
На ком из нас нынче нет таких
отметин? Трусы одни
целое тело уберегли,
каждый солдат сродни
другому: тело одно с другим
схоже, неразличим
яд от змеи или яд, самим
естеством сотворен моим.

В разных местах мы одну судьбу
мыкаем, Филоктет.

На краю сцены появляется декорация в виде острова, приближающейся земли. Над островом стелется едкий сизый дым, как будто всё, что рассказывают об устроенных здесь кузницах Гефеста, – это чистая правда.

АНТИСТРОФА 4

Мрачный и дымный остров
Лемнос в тених багровых.
Откуда плывем, там дымы
такие же, не дровами
кормили костры – своими
порченными телами.
Воздух обставшей смерти
едок, привычен: Лемнос
всюду себе устроили,
не продохнуть, провидеть.
Но попривыкли – все мы
вроде как Филоктеты:
этот калечен богом,
мы – друг другом и сами.

Хор закрывается деревянными щитами (бортами судна).

ЭПИЗОДИЙ 2

Место действия – остров Лемнос.

На сцене лежит Филоктет и напевает песенки, подыгрывая себе на тетиве лука. За долгие годы он в совершенстве освоил этот немудреный инструмент.

Филоктет

Вот по саду с лейкой бродит,
льет, босая, в огороде
по прополотым грядам,
чтоб зреть золотом плодам.

Запрокинет ветки вишня,
яблоки круглеют, слышно
гул с утра взлетевших ос,
разнотравья цвет и рост.

Сад любой, краса-девица,
за заботы даст сторицей,
за весну ответ тебе –
осенью-зимой обед.

Дом богат да сильно царство –
от утрат и лет лекарство,

выбирай между людьми,
хочешь в рай – меня возьми.

Шей убор, на свадьбу-праздник
ткани черной, всякой разной,
залюбуюсь на беду –
от тебя любую жду.

*Выглядит он совсем не так изможденно и страшно, как можно было бы предположить.
Напротив, он хорошо отъелся и порядком окреп.*

Филоктет опускает свою "лиру", откашливается и продолжает.

За тебя войной воюют,
изощренною шуруют
медью – стрелами клюют,
смерти всякие снуют.

Нет меня и там не будет,
на потеху добрым людям
я не встану среди полков,
драный пес среди волков.

Лезет на стены пехота,
до тебя им есть охота,
я ж извелся от глухих
стонов, подавляя их.

Кончен путь мой, все мытарства:
здесь могила, здесь мне царство,
здесь ни слова о тебе,
здесь конец моей судьбе.

На сцене появляется небольшого роста человечек в простой деревенской одежде. Заметив Филоктета, он испуганно останавливается.

Филоктет
Кто ты такой?

Пастух
Пастух.

Филоктет
На свет иди, пастух.
Действительно пастух: повадки, запахи,
ведро для молока... Как ты забрел сюда,
в тишь, глушь лесную?

Пастух
За овечкой малою.

Филоктет
Нашел ее?

Пастух
Нашел, несу от лис, волков
подалее.

Филоктет
Так ты боишься хищников...
Людей бояться надо – заберут овец
и самого убьют.

Пастух
О боги правые!

Филоктет
Не бойся, я не вор, и не убийца я,
другим гостям готовлю стрелы черные.

Пастух протягивает Филоккету кринку с молоком.

Поставь на землю.

Пастух
Я, позволь, пойду назад.

Филоктет
Нет, сядь – вон там, внизу. Чтоб ветер от меня
не дул тебе.

Пастух
Сажусь.

Филоктет
Поговорить хочу
хоть с кем-нибудь: я здесь замуравел совсем.

Пастух
Среди лихих людей, лесных охотников
слух ходит: в дебрях диких, меж зверей, засел
Хозяин леса; всяк, его увидевший,
день ходит без добычи, месяц голодом
сидит, пустой год выйдет бесталанному;
а если кто с ним, с прОклятым, обмолвится
хотя б полсловом, хуже – кто дотронется,
то всё – по гроб удачи не видать тому.
Не врали, значит, сказки.

Филоктет

По твоим словам,
несчастный сам приметой стал несчастливой,
замкнулся круг.

Пастух

О горе мне, о горе мне!

Филоктет

Не бойся: я себе собрал злосчастье,
какое было здесь, какое черными
везли большими кораблями эллины,
какое там найдется, под священной
и обреченной Троей. Я прошел, собрав,
по четырем стихиям. То, что в воздухе,
моим дыханьем стало – пар зловонными
клубами изо рта. В воде что было, то
течет, желтеет сукровицей, раны льют –
источники день-ночь не сякнут гнойные.
В огне беда металась – эта ринулась
мне в язвины гореть, и голова в огне
не знает сна, покоя, а земная соль
и есть тот яд, который зубы гадины
под кожу занесли... Так предсказания
со мною, надо мной сбылись, и сверх того,
предсказанного, – предали, оставили.
А ты боишься...

Пастух

Сколько ж, бедный, маешься?

Филоктет

Десятый год я на проклятом острове
живу, не умираю от проклятых ран:
столь боги долголетия отмерили
несчастному, чтоб обделить счастливого.

Умрет жених за шаг до ложа брачного –
жив Филоктет, ступает, приволакивая.

Умрет младая дева, плоть чиста, цела, –
жив Филоктет, нет места, чтоб нетронутое.

Умрет делец в разгаре дел, избытке сил –
жив Филоктет без сил, без дел, оставленный.

Убьют солдата, сквозь броню ударит медь, –
жив Филоктет, открыт для смерти. Где она?

Пастух

Так ты из тех, кто в Трою крепкостенную
отправился за женщиной.

Филоктет

Жених ее.

Пастух

И здесь мы слухи слыхивали дальние
о Леде, лебединой песне, выводке
два на два – сев бессмертного, сев смертного,
сестра сестре чужие, братья заодно
в бессмертии и смерти. Словно зов какой
прошел по землям варварским и греческим,
по-над водой пластался, горы рослые
с подошв и до вершин их обтекал, звучал:
идите в Спарту, там вашим желаниям,
мужи-герои, будет награждение.
И здесь, в глуши, шум слышали, сорвались с мест
мы было – покачнулись чёлны утлые
у берега, воды черпнули, как нам плыть!
Но долго, долго сердце беспокоилось,
кипела желчь ночами полусонными.

Филоктет

И знал ведь: среди стольких мощных витязей
кто я, кто мне отдаст овечку белую,
не взысканному славой? Меж наследников
царей, владык богатых сиротлив и нищ
ходил, бродил, смотрел я. Всех имений-то
полста дворов, луг да канава, рощица
да кладбище за ней со всеми предками.

Зачем, зачем я Тиндарея старого
просил, припав к ногам, в зятя взять? Хохотом
дворец зашелся: дворня потешалася
над женихом последним. Зол и горд стоял,
недвижим под насмешками – и вдруг она
прыг со скамейки, подошла, взглянула мне
глаза в глаза, ее лукавством тронуты
и ласковой любовью, повела бровьми –
и я пропал. Дала мне кубок махонький –
что было в нем, я выпил, не распробовал,
но и вода колодезная всяких вин
разымчивей, из белых ручек принятая.

Как облила мне сердце нежной влагою,
ни с кем не убоялся состязания,
колчан нащупал, стрелы пересчитывал

и женихов. Я мнил: успею быстрыми,
пернатые взлетят, провоюют в воздухе –
у-у-у – на грудь им прянут коршунами,
плоть растерзают белую, жизнь вон из жил –
один останусь с девою, с супругою.

Но отняла воинственность, коснулась лишь
лица, браны моей, я встал смиренхонько
со всеми в ряд. Сверх всяких строгих доводов
надеялся, дал клятву не злодействовать
тому, кого Елена мужем выберет.
Я думал: мне клянутся, а не я клянусь.

Пастух
И кто еще там был?

Филоктет
Вся слава Греции.

Вот он, пространно-властительный царь Агамемнон. Такого
выберешь если в мужа, проклянешь свою женскую долю:
он пересилит судьбу твою, станешь обузой супругу
сильному, но для тебя, может, лучше от Рока укрыться.

Вяжет узлы Одиссей хитроумный, сеть тонкой работы
прочная выйдет – ни малой рыбешке, ни киту-акуле
сквозь не пройти. На тебя ли та сеть? Нет, другая тут ловля:
в мрежи всю Грецию он уловил, сам на суше оставшись.

Бычится, стонет Аякс Теламонид, дуреет под ношей
страхов, обид: проиграть ему страшно, обидно другому
приз уступить, а страшней тебе, юной и дерзкой, достаться.
Станешь насмешничать – честь мужа где? Вся под юбкой цветастой.

Юный спешит Антилох – долго юный и вечно наследник,
век свой, заеденный Нестором, бросит к ногам твоим; мало
платит за девство тебе: не хозяйкой – жиличкой и гостьей
в доме чужом водворишься у свекра под строгим надзором.

Грозный стоит Диомед, разрушивший Фивы, любимец
девы Паллады. Он мужеством пышет, он, кровью насытый,
груб, прям и крут. По душе ли тебе эта честность и злоба?
В лучшем привыкшая обществе жить, ценишь мысли – тут пусто.

Ходят по залу другие, толкутся толпою, их шепот
не прекращается. Толстых, худых, невысоких, высоких,
славных умом и богатством – их сотни, их многие тыщи.
Это народ во всей мощи пришел тебя сватать, Елена.

Пастух
И выбор пал на Менелая.

Филоктет
Тяжкие
в Итаке цепи выкованы – клятвами
владеет Зевс. Я внутрь загнал мучения
любви своей, вернулся тих на родину.

Что выиграл, пути клятвопреступного,
я, побоявшийся...

Зачем не я приплыл богатством Азии
потряхивать, приманивать?.. Сейчас бы сам
выдерживал осаду, бился во поле
с Ахиллом и Аяксом, а устав в трудах
тяжолых, бранных, шел бы к милой женошке.

Пастух
А все жива в нечистом сердце страсть.

Филоктет
Живехонька.

(Наигрывает на луке.)

Молодость моя, молодость,
бесталанное ты мое житье;
холодность ее, холодность,
я, зависящий от нее.

Подлости мои, подлости:
ходы-выходы к ней искал;
доблести ее, доблести,
дородности, а я мал.

В ревности своей, трезвости
незамутненный взор
резвости ее, резвости
видит вдаль и в упор.

Пастух
Что травмишь сердце, вспоминаешь?

Филоктет
Погляди, пастух,
как получеловек надеждой тешится,
пускает слюни похоти и ненависти,
ногами неходячими притопывает,

руками ослабевшими похлопывает.

Нечестная моя, нечестная
страсть воеет вой, шип шипит –
известная ее, известная
блажь жуть со мной творит.

Ярости мои, ярости
праздно кипят во мне –
жалости малой малости
в сердце ее нет ко мне.

На оркестре происходит какое-то движение, на которое обращает внимание Пастух.

Пастух
Я вижу паруса.

Филоктет
А ведь суденышко
из греческих краев – оснасткой, корпусом,
всем видом говорит: "Из итакийских я,
из дулихийских верфей". Что им нужно здесь?
Еще кого нашли на остров выбросить,
еще кого сочли в народе лишнего,
еще кого удумал Одиссей убраться?

Пастух
А может, за тобой пришли?

Филоктет
Воды набрать
сошли... Когда бы помнили, когда бы жив
был Лаэртид, то семь, семижды семь не круг
им было б верст...

На сцене появляется (сходит с оркестры) Вестник. Хор опускает деревянные щиты.

Вестник
Царь итакийский Одиссей послал меня
узнать, кто здесь живет, из наших есть ли кто,
из греков то есть. Так угодно сильному
царю, по берегам далеким странствуя,
искать, какие есть где соплеменники,
им не чинят обид ли, надо ль помощи –
съестного или денег. Если есть у вас
такой насельник, укажите – доброе
вы сделаете дело.

Пастух намеревается что-то сказать, но Филоктет жестом останавливает его.

Филоктет

Есть такой у нас,
живет в лесах далеких, за горами, за
лугами. Девять лет назад такие же
здесь корабли стояли, он тогда от них
отстал, наверно.

Вестник

Как найти его?

Филоктет

Далекий путь.

Вестник

Жди здесь, старик, я приведу царя, ты сам
нас отведешь.

СТАСИМ

СТРОФА 1

Вот Греция рассылает во все концы света своих мужчин,
Филоктета, говорят, разыщи.
Следы его долгие не мудрено узнать:
ногу приволакивает, толком прямо не может встать.
А еще – кроме нас за ним смерть по пятам,
мертвый воздух окрест, трупы вповалку и тут и там.

Ветки поломаны,
нет птичьего гомона.

АНТИСТРОФА 1

Стрелка им доставь
с оружием – самоё смерть, самоё навь.
В честном бою раз врага нам не смирить, не сбить,
так станем тем, что превыше человеческих сил, направо-налево губить.
Совершенной работы устройство – даже страшно смотреть:
всякий след наш, ихний может с земли стереть.

И надо ж такое нам в руки дать!
За что так караете, боги, дайте знать!

СТРОФА 2

Взяв орудие смерти,
страшное людям
(и стократ страшнее оно богам),
на что Филоктет мог рассчитывать,
на какую-такую судьбу
уповать? Желать

свою смерть, что ли, отдалить,
во благовремение умереть,
детей, внуков обнять,
крепкое им оставить
после себя наследство?

АНТИСТРОФА 2

Если нужно это оружие,
чтобы одолеть врага,
что ж, если по-другому никак –
в честном бою испробованы
все приемы, уменья, тактики,
даш на даш все удары наши да их, –
тогда мы плывем сюда,
приложить чтобы руку к делу
постыдной победы.
Вся Греция с тобой, Филоктет,
славу, позор разделит.

Хор (на разные голоса)

Где ж он приют нашел в краях этих?
Как неуютно здесь, весь год сыро!
Для ран его как плох такой климат!
Не расклеился б лук, целы б стрелы.
Не разучился бы стрелять. Мы и
проверим на себе его меткость.
На тевкров мы бойца зовем – ну как
не разберется да начнет с греков?

Услышит издали язык свойский,
не закричит: "Э-ге-ге-гей, люди!"
на голос наш – на шумный шаг вскинет
свой верный лук, мы от такой смерти
не увернемся, все как есть ляжем,
и поделом – но умирать страшно.

ЭПИЗОДИЙ 3

На сцене появляется Одиссей, сопровождаемый вестником.

Вестник
Вот старик, который ответит нас.

Одиссей
Отойди. Уж мы пришли. Ну, здравствуй.

Филоктет
Одиссей, друг, ты сюда за смертью
заявился, что ли? Не хватило

возле Трои – или где вы нынче
ратуете, плаваете, – вспомнил
Филоктета, кто не пожалеет
на тебя стрелы? По приговору
или сам сюда? Не чаял встретить,
гость мой дорогой. Тебя ли вижу!
Или глаз обманывает, дымы
местные за друга принимая,
счастье невозможное рисует.

Одиссей
Это я. Ничуть не сомневайся.

Филоктет
Вспоминал я часто, даже снилось,
как сюда приводишь, обещаешь
трав нарвать целебных: славен Лемнос,
дескать, некой травкой, чуть посыплешь
перетертой рану – перестанет
вмиг кровоточить, гноиться, будет
бело-тело чисто, как из бани,
шрамов нет, отметин. Я спокойно
ждал тебя, дружка, с подмогой чудной.
Лишь поутру, как заря зажглася,
паруса увидел в море дальнем,
догадался, что это за травка:
ложь-травка, дурман-травка.

Одиссей
Я думал:
ты найдешь попутчиков, вернешься
в дом, подлечишь раны, в тихий вечер
вспомнишь уговор наш, усмехнешься
над отставшим в бедах Одиссеем,
увлеченным в путь людьми чужими.

Те ватагой ринулись на Трою,
молоды и веселы, война им
подвигом блистательным казалась,
приключеньем, схваткой благородных
воинов: сияют ярче солнца
латы, меч остер, по ветру вьются
перья шлемов. Как в смертельных сшибках
смерть быстра, кровь хлещет молодая,
выпущена раной на свободу,
слава предназначена убитым.

Как им было выдержать зловонье
ран твоих? Почти что небожитель,

каждый тяготился видом плоти,
съеденной болезнью, в язвах гнойных.
Отправляясь в битву как на праздник,
осквернить боялись поле брани.

Кто бы знал, что девять лет войною
нам придется, проКлятой работой,
маяться, стараться, убиваться,
что на теле нет живого места!
Кто из нас целее Филоктета? –
Мертвые, чьи кости перемыты,
сложены торжественно в сосуды.

Филоктет
Я, выходит, выиграл.

Одиссей
Выходит.

Филоктет, ведь я хотел остаться
тут с тобой, меня непустили.

Филоктет
Ты хотел остаться?

(Усмехается.)

Я поверил.

СТРОФА 1

Что такое хитрить при столь очевидном деле?
Лучше в упор да в лоб: мол, предали, так хотели,
и нечего больше об этом – в упор и лоб,
чтобы без кривотолков, ясно, понятно чтоб.

Одиссей *(не обращая внимания на песни хора)*

Вместе бы вернулись, летний воздух
чистый, воды светлые Итаки
смыли бы с тебя проклятье змея;
нет – так есть уютные пещеры,
светлые, сухие; поселившись
в них, ни в чем не знал бы недостатка
лучший гость мой: вина золотые,
яства – дар лесов, полей и моря,
книги – мудрых дар скорбящим душам –
всё тебе б несли в твои пещеры;
боги покарали тебя – люди
сколько можно казнь бы умягчили.

АНТИСТРОФА 1

Даже если все понимают случившееся, аккуратно
укроем ложью его, как будто не здесь швы, пятна:
так легче обманутому, свою сохраняя гордость,
проглотить большую сделанную нами подлость.

Одиссей

Я б к тебе ходил. Да что мне эти
раны: царь пастуший, царь рыбацкий,
я не во дворцах воспитан, видел
и касался всякой жизни, смерти.
Друг не отшатнется малодушно
от страданий друга, друг поможет.

Может, так и будет всё: закончим
мы войну, поселимся в Итаке,
позабудем ссоры, грех невольный,
заживем на зависть, тихо, мирно,
боль вином зальем, тревог не станет.
Ты найдешь себе подругу сердца,
как полюбит – так полюбит раны,
перевяжет нежно, туго стянет.

Филоктет

Ждал речей я разных, но такие...

(Судорожно хватается за лук.)

Одиссей

К гибели готов я. Если б трусил,
то явился разве бы?

Филоктет

В Итаку
звать меня приплыл?

Одиссей

Пока что в Трою –
воевать.

Филоктет

Не справились.

Одиссей

Оружье
мощное в твоих руках осталось.

Хор

Содрогнутся стены Илиона:
тетивы чуть слышный звук разбудит
ото сна войну, когда предстанешь
ты истцом к Троеде правомочным.

Пауза.

Филоктет
Слишком понадеялся, безумный,
ты на ум свой: разве мне докажешь,
что не брошен я или не ранен,
что ты друг мне, что готовит славу
мне война, собравшая под Троию
всех кого ни попадая, оставив
лишь меня? Ты говори, мне слушать
легче, чем лежать в немых мученьях.
А умолкнешь – уступи пернатой
воздух: не взыщи, в аду доскажешь,
преданность свою удостоверишь.

Одиссей
Убьешь меня? Давай, Парис пусть властвует
над милою женой. Стреляй, каленую
иззубренную выбери, я прям стою,
не бегаю, не укрываюсь. Только есть
иная цель для стрел, тебе обещана
вещанием слепого старца Калхаса:
то город Троя, славные сыны его
и он, обидчик, вор, прелюбодей, – Парис.

Филоктет
Неужто жив еще?

Одиссей
Живее нас с тобой,
тебя во всяком случае: он сладостно
проводит время в осажденном городе,
он их герой.

Филоктет
Парис?

Одиссей
Он лучшим лучником
считается теперь: прославлен Азией
убивший Ахиллеса.

Филоктет
Вот как судите

вы, боги: отдаете силу сильную
на посмеянье слабому – Парис теперь
сильнее Ахиллеса.

Корифей
Ты сильнее стань.

Одиссей (*видя, что Филоктет взволнован, начинает с большим воодушевлением*)
Еще раньше он, Парис, сразился
с Менелаем.

Корифей
Как весной на поле
два быка за телку, сшиблись.

Филоктет
Слава
или похоть нудила их к бою?
Или подгоняли их – брат брата –
Гектор, Агамемнон: *"Мировую
вам войну затеявшим, первейшим
супостатам, стыдно оставаться
праздными, живыми: круг очертим,
за который ни ногой, и стравим
вас на радость войску; с той и этой
стороны сойдутся на забаву
посмотреть: вот за кого воюем –
пусть и нас потешат. Ух, ревет строй
войск, как перед битвой настоящей,
низкий вой бодрит, зовет к сраженью"*?

Одиссей
Сам Парис перед войсками вышел,
потрясал копьем, к единоборству
звал героев греческих – и вскрикнул
Менелай: *"Он мой!"* Мы уступили:
спор свой пусть решают. Мы и тевкры
край войны увидели недалний.

Корифей
Сговорились мы, что победитель
всё возьмет: Елену и богатство.
Тем войну покончим: Илиону –
век стоять безвредно, в вящей славе
выситься над Азией богатой,
грекам – взять себе пути морские,
крепостцы плавучие поставить
по всему окружью океана.

Филоктет

Как всё было, как происходило?

Одиссей

Два бойца сошлись. Играла ярость
резвая в Парисе, руки, ноги
ходуном ходили – в нетерпенье
умереть, убить врага, окончить
так или иначе... Ярость, трусость
в нем боролись, силы истощали.

Менелай встал грузен и ужасен,
по бrade растрепанной клоками
пена с губ: так бешеного зверя
гонят в бой не голод, не опасность,
а желанье сквозь туман прорваться,
теплый, кровью пахнувший, тяжелый,
вынырнуть за ним в простом и чистом
свете белом, солнечном, посмертном,
там забыть кровавые печали.

Отпустил Парис копьe на ветер,
воздухом летит, по-над землю,
тихим стоном воздух отвечает
к смерти устремленному усилью.

Трепетало древко от полета,
заходило мелкой, легкой дрожью,
когда, в щит ударив, пика кожи
рассекала острая, но меди
скреп не одолела, в них завязла.

Щит с излишней ношей прочь откинул
Менелай, ему мелькнувшей смерти
лик прекрасен, девствен показался.
"А-а-а!" – протяжно и натужно
закричал он: яшень длиннотенный

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.